

УДК 821. 161. 1

Мухина С. А.

Московский государственный областной университет

**ФЕНОМЕН КОМИЧЕСКОГО В РОМАНЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО
«БЕСЫ»**

S. Mukhina

Moscow State Regional University

**THE PHENOMENON OF THE COMIC IN DOSTOEVSKY'S NOVEL
"THE DEMONS"**

Аннотация. В статье раскрываются особенности комического в творчестве Ф.М. Достоевского. На материале романа «Бесы» исследуется взаимодействие комического с трагическим. Являясь одним из самых мрачных романов, «Бесы» пронизаны стихией комизма, включающей в себя весь спектр комического: от иронии и сатиры до гротеска. Сочетание противоположных комического и трагического способствовало созданию «реализма в высшем смысле слова». Анализ элементов комизма представляется значимым в изучении творческого метода писателя.

Ключевые слова: комическое, трагическое, ирония, сатира, гротеск.

Abstract. The article deals with the features of the comic elements in Dostoevsky's works. The interaction between the comic and the tragic is considered basing on the novel "The Demons" as a source material. The novel "The Demons", being one of the darkest novels, is permeated with comic elements, which include the whole range of the comic: from irony and satire to grotesque. The combination of the comic with the tragic helped to create the "realism in higher meaning of the word". The analysis of the comic elements is important for exploring the creative method of the writer.

Keywords: comic, tragic, irony, satire, grotesque.

.... он (Достоевский) ... создал поэтический мир, в котором бушуют грандиозные страсти и который не только велик преступными порывами мысли и сердца, раздвигающими границы наших знаний о человеке, но и клокочет вызывающим озорством, фантастическим комизмом и веселостью духа.

Т. Манн

Художественный мир Ф.М. Достоевского традиционно представляется как мир трагический, полный катастроф, страданий и мук человеческих. Однако бесспорным является восприятие автора «Преступления и наказания» как гения комизма. Томас Манн называл Достоевского «великим юмористом» и отмечал, что творчество писателя проникнуто «необузданной стихией комического» [8, с. 340]. И действительно, на страницах произведений Ф.М. Достоевского наряду с трагедиями человеческих страстей встречаются сцены высокого комизма.

Добрый смех, обнаруживающий «прекрасное» в комическом, звучит в начале литературной деятельности Достоевского, в романе «Бедные люди», повестях «Дядюшкин сон», «Село Степанчиково и его обитатели». Преобладающий в них беззлобный юмор вытесняется в последующем творчестве Достоевского тонкой иронией и едкой сатирой. Произведения периода «великого пятикнижия» представляют собой шедевры не только русской, но и мировой

литературы; в них в полной мере выразился творческий гений писателя, соединяющий в себе не только трагические, но и комические элементы.

Роман Ф.М. Достоевского «Бесы» представляется самым неоднозначным творением автора. Общепринятой стала оценка романа как самого слабого, самого нехудожественного произведения Достоевского. Публикация «Бесов» вызвала одобрение консервативных кругов русского общества; другие назвали произведение «уродливой карикатурой, кошмаром мистических экстазов» [4, с. 127], творческим банкротством писателя.

Хотя роман по праву можно назвать одним из самых «мрачных» творений писателя, однако и ему присуща стихия комического. Взяв за основу трагическое событие – убийство студента Иванова группой студентов во главе с Нечаевым – автор вложил в основу романа много иронии, сатиры и гротеска. Не случайно многие исследователи творчества Достоевского называют роман «Бесы» «романом-фарсом» [7, с. 213] и «романом-сатирой» [13, с. 147]. К. Мочульский называл роман «театром трагических и комических масок» [10, с. 437]. Такие противоречия в определении жанра произведения связаны с тесным взаимодействием в нём комического и трагического, прекрасного и безобразного, обусловленного, по словам Н. М. Чиркова, «единством жизни во всех её противоречиях» [13, с. 299].

Стихия комического в романе определяется тесной взаимосвязью всех элементов комизма друг с другом: иронии и сатиры, гротеска и юмора. Светлый, беззлобный юмор писателя в произведении проявляется в меньшей степени, что связано с трагедийной основой романа. Юмористические черты можно встретить в характерах персонажей (Степан Трофимович Верховенский, Варвара Петровна Ставрогина, Липутин, Лебядкин). Юмор в романе практически не представлен в чистом виде, он постоянно взаимодействует с другими видами комического: иронией, сатирой и гротеском. Так, Степан Трофимо-

вич Верховенский представлен в большей степени в юмористическом виде, однако и в его образе просвечивает авторская ирония. В лице Степана Трофимовича автор высмеял образ западника-либерала. Этот герой – своеобразное воплощение типа Дон Кихота. Степан Трофимович смешон, как Дон Кихот, но сквозь это смешное заметна его жажда идеала, олицетворяемого в образе Сикстинской мадонны, которой поклоняется герой. Комические черты в этом герое говорят скорее о снисходительном отношении автора к нему, этот светлый, невинный смех с иронизирующим началом помогает раскрыть истинный характер героя, его детскую и непосредственную натуру.

Преобладающей в комической стихии романа является многоликая ирония, которая проявляется и в характерах героев, и в комических ситуациях, и даже в стиле. Ироническое начало носит полифонический характер (она присуща автору, хроникеру и самим персонажам), что обусловлено прежде всего самой формой и жанром произведения – романом-хроникой.

Ирония становится действенным средством разоблачения бесовских идей. В романе представлена целая галерея людей, одержимых и исступлённых, представленных в иронико-сатирическом свете. Среди них, бесспорно, выделяется Пётр Верховенский. Достоевский создал потрясающей по силе реалистичности, не имеющий подобных примеров в литературе сатирический образ фанатика, полупомешанного. В письме Каткову от 8 октября 1870 года Достоевский писал о Петре Верховенском: «Без сомнения, бесполезно выставить такого человека; но он один не соблазнил меня. По-моему, эти жалкие уродства не стоят литературы. К собственному моему удивлению, это лицо наполовину выходит у меня лицом — комическим» [3, т. 29, с. 141]. Современники писателя стремились увидеть в этом персонаже политический портрет – шарж на Нечаева. Однако образ Верховенского гораздо глубже, он заключает в себе типические черты одер-

жимого фанатика. В беседе со Ставрогиным он признается, что он мошенник, а не социалист. Верховенский умеет напустить на себя вид таинственного мистификатора, «заграничного революционера», явившегося «в любимом отечестве с поощрениями». Управляя «кучкой» людишек, он мнит себя повелителем истории всего человечества: «... одного или два поколения разврата теперь необходимо; разврата неслыханного, подленького, когда человек обращается в гадкую, трусливую, жестокую, себялюбивую мразь, – вот чего надо!» [3, т. 10, с. 325]. Без сомнения, в лице Петра Верховенского Достоевский создаёт уникальный тип шута, для которого маска шутовства становится лицом, он вживается в свою роль. Окружающие также наделяют Петрушу Верховенского комическими чертами. Ставрогин о нём отзывается так: «Верховенский энтузиаст... О, да. Есть такая точка, где он перестает быть шутком и обращается в... полупомешанного... » [3, т. 10, с. 193]. В нём угадывается и тень Хлестакова по таланту выдумать «историйку», и Молчалина, когда он вовремя и в нужном месте подхалимничает перед выгодными ему людьми. Своё шутовство он использует как искусную тактику, он с лёгкостью меняет свои маски ради собственной выгоды. Но это шутовство находится на грани трагедии.

Злая ирония направлена не столько против бесовских нигилистических идей, сколько против людей против тех, кто становится такими же людишками только «из страха собственного мнения». Справедливо высказывание Т.А. Касаткиной: «У Достоевского ирония направлена не на саму действительность, а на её осмысление в системе той или иной эмоционально-ценностной ориентации» [6, с. 30]. Примечательно, что ирония, превращаясь в сатиру, становится мощным средством борьбы с пороками окружающей автора действительность, порождающей «бесенят».

Искромётной иронией проникнуты строки, посвящённые описанию фигуры «великого писателя земли русской» Кармазинова.

В этом образе автор заклеил тип западника-либерала, которого он считал главным виновником появления в России Нечаева и ему подобных. Хроникёр не скрывает своей иронии по отношению к Кармазинову, причисляя его к талантам «средней руки», которые «на склоне почтенных лет своих, обыкновенно самым жалким образом у нас исписываются, совсем даже и не замечая этого» [3, т. 10, с. 69].

Примечательно, что ирония присуща не только автору или хроникёру, но и самому герою. Таким воплощением иронического начала становится самый «мрачный герой» романа — Николай Ставрогин, который, по мысли автора, должен был стать ключевой фигурой в романе. В черновиках к роману Достоевский пишет: «Князь (Ставрогин) – всё... Это другое лицо — тоже мрачное лицо, тоже злодей, но мне кажется, что это лицо трагическое... Я из сердца его взял» [3, с. 141-142]. Ставрогин, действительно, выбрал в себя самые противоречивые размышления писателя. Сильная демоническая личность, он становится тайным провокатором всех бесовских злодеяний. Однако и это «трагическое лицо» включено в стихию комического в романе, его можно назвать гротескным образом, именно он сочетает в себе трагическое и комическое, прекрасное и безобразное. Ставрогину присуща ирония в разговорах, в ироничном отношении к жизни и окружающим. Так, он смеётся над Петром Верховенским, сделавшим из него идола; его забавляет сеять смуту в умах Шатова и Кириллова, внушая им противоположные идеи.

Сам Достоевский, говоря о природе иронии, отмечал: «Человек, не понимающий иронии и комического в искусстве и в жизни, - непременно ограниченный человек» [3, т. 11, с. 120]. Однако Ставрогин, обладая недюжинными способностями, умом, не только понимает иронию, но и сам становится «демоном иронии». Однако его ирония носит уничтожающий характер, он болен иронией, которая отражает его болезненный индивидуализм. Ему присуща и самоирония; со-

зная собственную никчёмность, пустоту, он признаётся: «О, какой мой демон?... Это просто маленький, гаденький, золотушный бесёнок с насморком, из неудавшихся» [3, т. 10, с. 241]. Ставрогин не мефистофель, а всего лишь «гаденький бесёнок». Эта комическая деталь снижает образ принца Гарри до уровня ничтожества, ведь имея недюжинные способности, он омертвел духовно, поэтому и вызывает лишь жалкую усмешку.

По словам Ильина, «самый лучший и самый сильный человек без веры и любви – чудовище бессмысленности» [5, с. 426]. Эта «бессмысленность», несоответствие поступков Ставрогина его природным способностям придаёт персонажу трагисатирический оттенок. «Всемогущий, он парализован в своих желаниях и возможностях. А оттого и страдает. В этом его трагедия и его судьба» [5, с. 418]. Такой аллогизм, несоответствие, лежащее в основе комического, и становится ключевым моментом в создании образа. Если иронический оттенок присутствует, он вызывает совсем не улыбку, а скорее отвращение. Вся жизнь Ставрогина – это непрерывное экспериментирование, стремление изведать все ощущения, испытать на опыте границы своих сил. Принц Гарри совершает ряд поступков, в котором комическое и трагическое слишком близки. Так, он женится на хромоножке, кусает за ухо губернатора, целует жену Липутина; в фарс превращается и дуэль с Гагановым. Все эти выходки Ставрогина свидетельствуют о болезненном надрыве, его психическом и нравственном разложении, ибо только «сладогострастие» он чувствует, совершая свои преступления. Он намеренно создаёт провокационные и комические ситуации, повергающие всех окружающих в оцепенение.

Важно, что с помощью иронии писатель не только высмеивает бесовские идеи жаждущих перестроить весь мир никчёмных людишек, но и тем самым выражает собственный идеал. Самые сокровенные мысли автора подчас высвечены комизмом. На эту особенность творческой доминанты писа-

теля указывал В.В. Розанов: «...вчитываясь во весь ряд его сочинений, мы видим, как постоянно он обставляет в начале и в конце лёгкой иронией и свои любимые идеи...» [12, с. 89].

Достоевского можно назвать мастером сатиры. Сам автор отмечал высокое нравственное значение сатиры: «Мне кажется, мир принял значенье отрицательное и из высокой, изящной духовности вышла сатира» [3, т. 28, с. 30]. К современной ему сатире Достоевский относился критически, не находя в ней идеала. Автор «Бедных людей» определяя природу сатиры как формы комического, подчёркивал её тесную связь с трагическим, без чего сатиры и не существует: «...Трагедия и сатира две сестры и идут рядом, и имя обеим, вместе взятым: правда» [3, т. 24, с. 305]. Писатель видел в сатире прежде всего высокую форму проявления народного самосознания. И трагическое, по мысли автора, заключало в себе жизнеобразующее нравственное начало, которое связано не с идеей гибели, а с идеей жизни [11, с. 95-96].

В романе «Бесы» сатира писателя направлена прежде всего на бесенят, заражающих мир бездуховностью; в сатирическом свете представлены также литературные и правительственные круги. В романе представлена целая галерея персонажей, наделённых сатирическими чертами. Это комические фигуры Липутина, мелкого чиновника и «фурьериста», провозглашающего женскую эмансипацию; обманутого мужа Виргинского; его супруги – акушерки Виргинской, неистовой атеистки и революционерки; Лямшина, гимназистки, студента, учителя и других. Эти неглупые люди смешны в своей наивности: как дети, беззаветно верят в рассказы Петра Верховенского о «пятерках» по всему миру.

Предметом едкого сатирического освещения становится беспринципная власть, поощряющая доносчиков, воспитывающая и поощряющая провокаторов. Сатира направлена против социального устройства, во главе которого стоит самозванец-дурачок, руководимый собственной женой, чья по-

литическая программа сводится к сотрудничеству с «молодежью, стоящей на краю» [3, т. 10, с. 268].

Примечательно, что в «Бесах» автор создаёт комическую картину литературных кругов как высшего света, так и провинциального городка. В образах столичных литературных деятелей угадываются типичные литераторы, знакомые самому автору. «Они были тщеславны до невозможности. На всех лицах было написано, что они сейчас только открыли какой-то чрезвычайно важный секрет. Они бранились, вменяя себе это в честь» [3, т. 10, с. 21]. Достоевский, как никто другой знавший и нелестные отклики критиков, и цинизм, царящий в литературных кругах, создаёт сатирический образ фальшивого, пустого общества, воплощающего иллюзию литературной деятельности.

Наряду с иронией и сатирой на страницах романа присутствует гротеск, который становится ключевым в разрешении основной задачи романа – показать весь ужас бесовства, соединить комическое и трагическое, прекрасное и безобразное.

Безусловно, гротескными чертами наделен Шатов. Будучи лишённым комических черт, он становится зловеще смешон в своих идеологических и религиозных «шатаниях». Шатов одержим идеей избранности нации, народом-богоносцем он считает русский народ. Он утверждает национального бога во всей исключительности, утверждает превосходство великого народа над всеми остальными. Такой системе автор противопоставляет критическое замечание Ставрогина: «... вы бога низводите до простого атрибута народности...» [3, т. 10, с. 199]. Однако Шатов связан скорее с трагическим, нежели с комическим, но комизм оттеняет трагизм и ужас его положения.

Ещё один герой-фанатик, Кириллов, также болен абсурдной идеей человекобога. Кириллов – человек, отошедший от революционного движения, замкнувшийся в себе, человек, «которого съела идея» [3, т. 10, с. 426]. Вся его идея сводится в конечном счёте

к абсурду: «...Всё хорошо. Всё. Человек несчастлив потому, что не знает, что он счастлив; только потому. Это всё, всё! Кто узнает, тотчас сейчас станет счастлив, сию минуту... И кто разmozжит голову за ребёнка, и то хорошо; и кто не разmozжит, и то хорошо. Всё хорошо, всё. Всем тем хорошо, кто не знает, что всё хорошо» [3, т. 10, с. 188]. Кириллов проповедует абсурдность человеческого существования: «Жизнь есть боль, жизнь есть страх, и человек несчастен. Теперь всё боль и страх любит. Теперь человек жизнь любит, потому что боль и страх любит. И так сделали. Жизнь даётся теперь за боль и страх, и тут весь обман» [3, т. 10, с. 188-189]. Такая теория свидетельствует о глубокой трагедии героя, его болезненном мироощущении. Несмотря на трагичность образа Кириллова, в нём тоже присутствуют комические черты. Он, как и Верховенский, считает себя всемогущим; более того ставит себя выше Бога; комично его поведение перед самоубийством, когда он кусает за палец Верховенского.

В «Бесах» комические ситуации тесно соседствуют с трагическими, создавая эффект несообразности, внушая ужас. Такова сцена убийства Шатова. Жуткое преступление действует на членов «пятерки»: участники убийства превращаются в зверей: Лямшин, приобретая звериные начала, визжит «невероятным визгом», а Виргинский кричит в остервенении. Такие бесовские конвульсии скорее относятся к категории безобразного, однако не лишены и элементов комизма. Так, и Кириллов приобретает звериные начала, теряет «часть своего сознания». Но этому трагически-ужасному событию предшествует сцена написания предсмертной записки, полная смеха и иронии. Самоубийца желает написать письмо, в котором «непременно тоном хотел изругать» [3, т. 10, с. 473]. И эта фраза превращает всё сочинение Кириллова в абсурд, сочетая несочетаемые понятия: «русский дворянин, семинарист и гражданин цивилизованного мира». Трагическое и комическое сосуществует в произведении, «комически-безобразное и цинически шу-

товское... часто служат одним из условий создания драматического напряжения, словно бы подчеркивая трагизм происходящего» [13, с. 173].

Художник, исключительно остро воспринимавший противоречия действительности, Достоевский, естественно, по характеру своего таланта был предрасположен видеть в жизни и отражать в искусстве рядом с противоречиями, исполненными трагизма, комические ситуации, коллизии, характеры. Комизм, как думал Достоевский, присущ жизни, и поэтому правдивое отображение действительности в искусстве должно непременно заключать в себе элементы комического: «Без смешного и не бывает жизни,»— писал он. Достоевский справедливо полагал, что «нет такого предмета на земле, на который бы нельзя было смотреть с комической точки зрения» [3, т. 28, с. 235]. Начав «Бесов» как тенденциозный роман-памфлет, Достоевский, понимавший «трагику как основу комизма» [8, с. 225], включил в него весь спектр комического: от иронии до сатиры. Художественный полифонизм романа определяется тем, что «всё в его мире живёт на самой границе со своей противоположностью» [1, с. 238]: в самом ужасном может проступить комическое, и наоборот, в комическом – ужасное. Гротескное сочетание противоположных стихий способствовало созданию «реализма в высшем смысле слова». Одержимость идеями, фанатическое служение ей – вот та бесовщина, которая разлагает духовно

человека, превращая его в жалкую пародию на человека. Достоевский в романе мастерски показал в том числе и с помощью комического, как ложная идея, охватившая целиком человека и доведшая его до беснования, ведёт к небытию, к распаду личности.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. – М., 1863. – 320 с.
2. Белов С. В. Вокруг Достоевского — СПб., 2001. – 448 с.
3. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений в 30 томах. – Л.: Наука, 1972–1990. – Т. 10. – 560 с., – Т. 28. – 587 с., – Т. 29. – 661 с.
4. Достоевский в воспоминаниях современников. М., 1964. – Т. 2. – 622 с.
5. Ильин И. А. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 6. Кн. III / Сост. и коммент. Ю. Т. Лисицы. – М.: Русская книга, 1997. – 560 с.
6. Касаткина Т. А. Характерология Достоевского. – М., 1996. – 335 с.
7. Кашина Н. В. Эстетика Достоевского. – М.: Высшая школа, 1989. – 248 с.
8. Лапшин И.И. Комическое в произведениях Достоевского // Сб. ст. под ред А.Л. Бема. – М.: Русский путь, 2007. – 567 с.
9. Манн Т. Собр. соч.: В 10 т. – Т. 10. – М., 1961. – 491 с.
10. Мочульский К. Достоевский. Жизнь и творчество // Мочульский К. Гоголь. Соловьев. Достоевский. – М., 1995. – 606 с.
11. Родина Т. М. Достоевский: Повествование и драма. – М., 1984. – 248 с.
12. Розанов В. В. Легенда о Великом Инквизиторе Ф.М. Достоевского (Опыт критического комментария.) // О Великом Инквизиторе. Достоевский и последующие. – М., 1991. – 578 с.
13. Чирков Н. М. О стиле Достоевского. – М., 1967. – 302 с.